

Он делал из нас — нас

Он — один из основателей нашей газеты. Это им воспитанные и вздрюченные спецкоры работают в самых невозможных условиях, а весь последний год — на войне.

Я почему-то уверен, что он тоже ее жертва, и как этот — от невероятного стресса и ответственности за своих сотрудников под огнем.

Он и врачи (и наши в Боткинской, и немецкие — огромное спасибо!) победили Т-клеточную лимфому. Но сил восстановиться уже не хватило...

Я был у него в Мюнхене 8 марта, уже уходил, он показал две исхудавшие руки и сказал с непередаваемым величием:

— Митя, я исчезаю...

У нас нет никакого опыта жить и работать без него. Думаю, мы и не научимся этому.

Дмитрий МУРАТОВ,
главный редактор «Новой»

Я не могу писать о нем в прошедшем времени. И имя пока не могу ни написать, ни сказать.

Он самый добрый. Самый любимый.

Он лучше всех знает русский язык.

Он сделал из меня журналиста. Он сделал из нас журналистов.

Он мне как отец. Он нам как отец.

Любит смеяться, вкусно есть. У него очень красивая жена. Они стреляли из лука, вместе выступали за все-союзную сборную, потом перестали.

На каждый Новый год водит нас в ресторан и весь вечер усмеивается в усы на наши вопли.

Курит синий «Данхилл». С удовольствием. Уважает гаджеты и смартфоны. Хотел бы жить в своем доме.

Я не знаю, как о нем рассказать. У меня сердце вынули.

Высокий, медленный. До трясунчика его боялась, когда пришла в «Новую». Ну да, крутил хвосты КПСС, собкорил в «Комсомолке», потом сделал газету, которая для нас стала всем. И как ему такому новости нести?

Его собственные тексты почти не оцифрованы. Однажды я нашла старый, про узбекских диссидентов. Шок. Как можно перестать писать, если ТАК писать? Год мучилась, прежде чем решилась спросить. Думала, там драма. А там — решение. Он сказал: «Надо уметь поставить точку в своем последнем тексте».

Еще жалуется, что из-за нашей «текстовой каши» перестал читать книги. «Просто не могу. Чехова не могу читать, представляешь».

Тянет нас за волосы, когда мы тормозим (то есть все время). Поехала в первую командировку, вернулась с температурой и в отчаянии, он сказал: иди спать, а сам всю ночь правил и переписывал текст, наполовину состоящий из бреда. Потому что первая командировка и надо, чтоб была вторая. Потом еще хвалил этот текст на планерке. Никто не узнал.

Обожает газету. Делает газету.

Гений абсолютный и гений великодушный. Видит талант в каждом и годами этот талант вытягивает? Растит? Создает? Различает «особенности письма» там, где и письма, кажется, нет никакого. Все рядом с ним очень сильные. Даже наглые, потому что он — за нас.

Убеждает, что все прорывы происходят во время текущей работы. Говорит, что нецентровые темы — самые сильные, потому что они — слепое пятно.

Верит в нас, как не верит никто.

Спасал много раз каждого.

Он никогда никого не унижал. Потому что сам рослом до неба.

Наоборот, он очень хочет, чтоб все стали повыше.

Его беспокоит, что наше поколение журналистов слабее в плане гулянки, не могут нормально выпить, побеситься. «Вот мы кутили. Скучные вы».

Ушел из жизни Нугзар Кобаевич Микеладзе. Наш Кобаевич. Друг. Наставник. Князь. Коллега. Редактор отдела репортеров

Смерть — это абсолютно не про него. Другая категория. Он как солнце — огромная часть мира, неизменная, родная до неразличимости.

Он отводил от нас зло. Теперь мы беззащитны и одни.

Елена КОСТЮЧЕНКО,
специальный корреспондент «Новой»

Все-таки это было какое-то жульничество. Вроде бы он собирал нас, чтобы делать газету. А на самом деле делал из нас — нас.

К нему всегда приходили стажерами, обычно в июле. Либо уходили до августа, либо оставались на годы. Маленькие, мы думали, что это как лотерея. Когда выросли, поняли: тех, кто останется, он узнает и выделяет в первые же дни.

Никто больше — ни в редакции, ни в моей жизни — так не обращался со словом. Никто так внимательно не работал с текстом. Никто вообще не умел, как он, — править, поддерживать, учить, ругать. Однажды он в запале кричал на кого-то: «Я ж тебя не ругаю! Я ж тебя, дурака, люблю».

Помню, как он полчаса шумел на кого-то, кто третью неделю не сдавал текст, а на планерке многозначительно поводит усами: человек, мол, работает, трудится, вы же понимаете, хороший получится текст... Возвращался в отдел и снова шумел.

Помню, как давным-давно его, еще гражданина Грузии, надолго депортировали в Тбилиси. Потом выяснилось, что он спокойно подтвердил пограничнику в «Шереметьево», что однажды не очень легально продлил свою визу. Ему просто не приходило в голову, что иногда можно врать.

Помню, как (реже) приходил к нам на свадьбы и новоселья и (чаще) доставал нас из обезьянников, прокуратуры или больниц. В последние иногда запикивал. Когда Паша Каныгин со зрением в минус 10 долго трусил делать операцию на глазах и косил от больниц, Нугзар Кобаевич нашел лучшую в Москве клинику, дал Пашке на нее денег, а потом просто пообещал, что не поставит в газету ни один Пашкин текст, пока тот не сходит к врачу. Пашка пошел.

Помню, как он всегда оказывался прав. Правда, всегда. Как мог закончить спор одним язвительным комментарием или ответить на звонок с угрозами в адрес его журналистов так, что человек на другом конце провода не перезванивал вообще никогда.

Помню, как виртуозно он троллил, необидно высмеивал, громогласно ругал и скупно хвалил. Фраза: «Нормальный у тебя текст» — господи, какое это было счастье. Любую предложенную тему он встречал в штыхы (надо было убедить), но ворчал, что не бывает скучных тем. Всегда вычеркивал лишние слова и даже поздравление или тост воспринимал как текст: снижал пафос, рубил хвосты.

Помню, как прошлым летом он подшучивал над самокатной парковкой в углу отдела, а потом вдруг вскочил на самокат и долго — в очках, усах, в 56 лет — рассекал по редакции, врезался в стены и радовался, как ребенок.

Стабильно раз в полгода я ревела у него на плече из-за очередного парня. В первый раз он терпеливо утешал. В третий — ржал. Но когда пришла настоящая беда, первый нашел точные, правильные слова. Теперь беда пришла снова — и некому их сказать.

Он очень переживал за газету, но между газетой и нами всегда выбирал нас, и во время моей командировки туда, где могло быть опасно, каждые 15 минут звонил и кричал в трубку, требуя возвращаться. А осенью внезапно позвал наш отдел в ресторан. Мы думали — отметить рождение внучки, оказалось — отпраздновать, что двое наших вернулись с Украины живыми. Зимой, уже в больнице, спокойно и грустно сказал: «Все время думаю: я ведь дал вам не все. Я вам нужен. Я еще мог бы дать».

В феврале он в последний раз позвал в гости. Был уже слаб, но много шутил. Болело сердце, планшет был забит фотографиями внучки, по «Дождю» показывали Муратова, невероятно красивая жена Светлана крутила долму, лабрадор Пипа скулила и требовала погладить, и Нугзар Кобаевич вздохнул, что после рождения внучки Пипа поняла, что больше не главная, и унижается, выпрашивая внимание: «Такая достойная была собака. И вот достоинство потеряла». Я вдруг подумала, что с ним этого не случится никогда.

Отношения Нугзара Кобаевича с нами всеми были не про начальствование, не про редакторство, не про учительство, не про дружбу. Про все сразу. Как ему это удавалось?

Не знаю, почему до болезни не говорила ему, как я люблю его. Не знаю, когда поверю, что его нет. И когда перестанет быть так плохо. И перестанет ли. А главное — не знаю, как теперь без него.

Елена РАЧЕВА,
специальный корреспондент «Новой»

Первый раз я увидел Нугзара в начале октября 2003 года. К этому времени я потерял маму и работу, а «Новая газета» меня приютила (до сих пор — спасибо). Тогда новичков, по доброй традиции, еще прогоняли через редколлегия. Из всего ареопага только Нугзар задавал мне вопросы, ему было не все равно. Остальным, думаю, тоже, но ему, видимо, особенно. Я запомнил. Это был первый из уроков Нугзара, к ним мы еще вернемся и, надеюсь, не только в этой заметке.

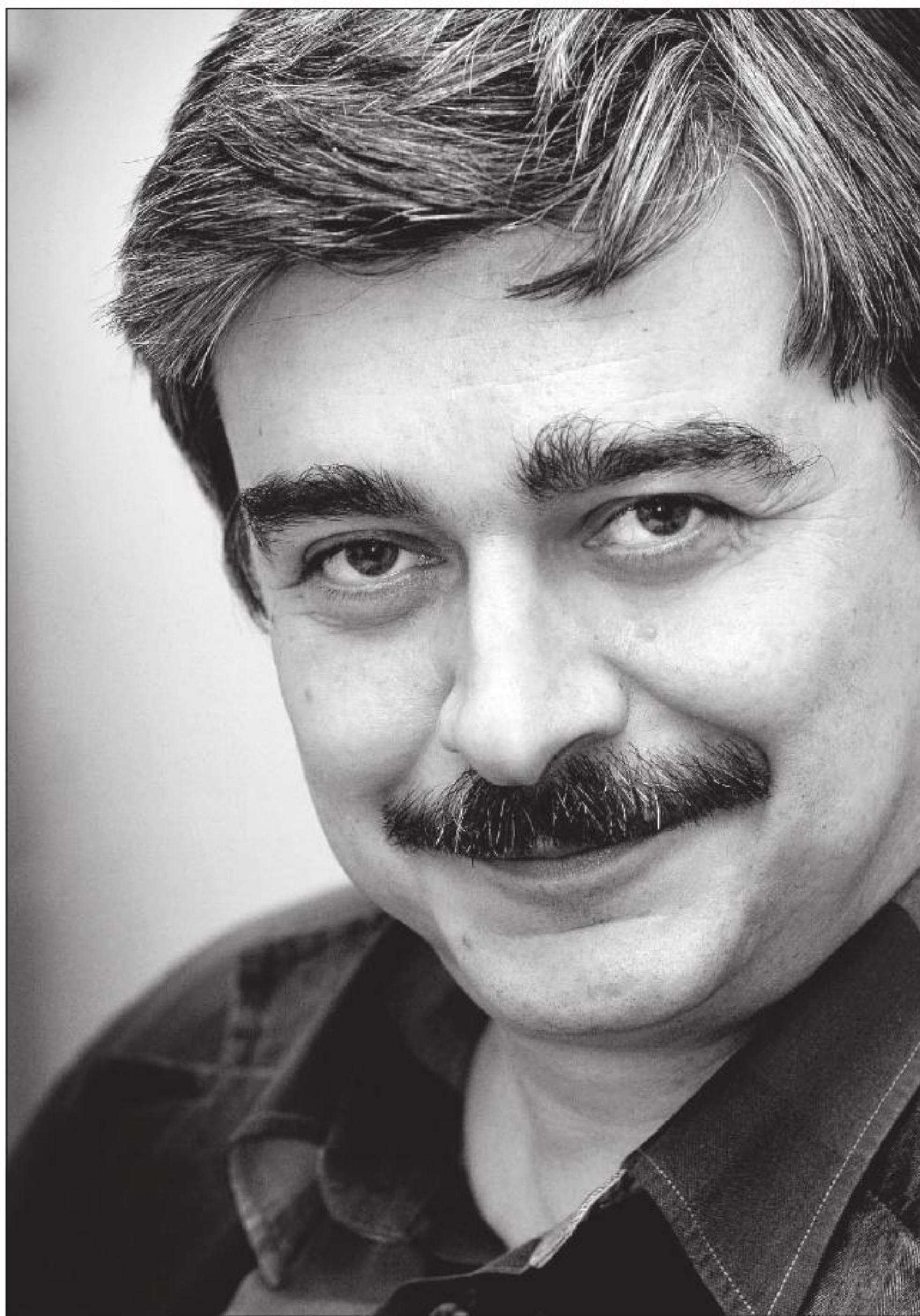
А потом я запомнил, как он спас начинающего в «Новой» журналиста от начальственного приговора — неперспективен. Никто не возразил. Кроме Нугзара (его слово имело вес). Этот опальный журналист (думаю, он даже не догадывается, кто его спас) работает у нас до сих пор, и хорошо работает (то есть Нугзар, как всегда, не промахнулся). Спасать «чужих» — особый дар. Это второй урок.

Он ведь и своих «отдельских» женщин защищал — этих гордых, умных, дерзких и отважных красавиц. Превращался в кавказскую овчарку — такую же умную и отважную (его атаку однажды я испытал на себе и тоже запомнил). Это третий урок: береги тех, кто тебе дорог.

Еще он обладал каким-то исчезающим сегодня чувством юмора, не усмешкой, но улыбкой, которая тебя не унижает, а значит, дает шанс выйти даже из безвыходной ситуации без потери лица. Это четвертый урок.

Мы часто балагурили (спасибо, Нугзар). Ну, например, под воздействием токсичных патриотических газов нашей родины я приходил к нему с категорическим воззванием: «От имени великого русского народа в моем лице приношу великому грузинскому народу в твоём, Нугзар, лице свои нижайшие извинения». Он принимал, он был снисходителен, как настоящий грузин. И воспринимал эту, как мне казалось, чушь серьезно. Это пятый урок.

Мы в последний раз встретились в редакции, в Москве, на третьем этаже в «предбаннике», где стоит диванчик. Он сел на него со словами: «Извини, я не могу стоять, но давай поговорим».

...Моя жизнь 20 марта 2015 года стала настолько тяжелее, насколько она была легче при Нугзаре Микеладзе. Он меня не подведет там, а я постараюсь не подвести его здесь. Это шестой и последний урок.

Увидимся.

Виталий ЯРОШЕВСКИЙ,
редактор отдела «Общество»

Между нашими кабинетами стена тонкая, и в одном месте она не до конца упирается в потолок — большой просвет. Поэтому, если я чихну, он обязательно откликнется: «Будь здорова!» А если он начинает заводиться и кричать на кого-то из молодых: «Я тебя спросил, где текст, час назад спросил, где текст, а ты мне что...» — я через какое-то время иду к нему с вопросом: «Ты чего лютуешь, Нугзар?» Хотя заранее знаю, что он, хоть и злится сейчас всерьез, человека, на которого кричит, — любит. Он готов был про каждого объяснять: этот распишется, пока туго идет, навыка нет, но распишется, вот увидишь. На него давить нельзя, спрячется, неуверенный, робкий. А этот слишком уверенный, с ним нужно по-другому.

Он их пестовал. Растил. Любовался исподтишка своим «манежиком», стараясь придавать голосу побольше строгости. Россыпь замечательных молодых перьев газеты — это его абсолютная любовь, его глаз мастера, лучника. Он же был мастером спорта по стрельбе из лука, там суетливые никогда не выигрывают, там терпение и меткий глаз.

Абсолютно непубличный человек. На всех громких мероприятиях его как будто нет, он где-то так далеко, на галерке, за спинами.

А в редакции на каких-то летучках-собраниях, если вдруг кто-то увлеклся и начиналась говорильня, он одной репликой приводил всех в чувство. Это всегда были такие шутки, которых сейчас, вот сколько я ни пытаюсь, вспомнить невозможно, — они были именно в контексте происходящего, в тот момент были необходимы. Он был всегда изнутри редакции, внутри нее. Не с внешней стороны. Он был гений момента.

Он приходил в ярость иногда, казалось, из-за ерунды. Но проходило время, и всем становилось ясно, какая это была вовремя схваченная фальшь. Я ему говорил: «Ты принц на горошине...»

Он чувствовал все «горошины» фальши. И реагировал мгновенно...

Галина МУРСАЛИЕВА,
обозреватель «Новой»

В 89-м мы были собкорами «Комсомолки»: Нугзар — в Грузии, я — в Украине. Мы все тогда считали друг друга братьями и сестрами, хотя виделись только на совещаниях в Москве.

Родными со временем остались немногие. Мой брат Нугзар был душой компаний и таким красивым — глазам больно. Но, кажется, сознательно «придушивал» это аристократичное сияние внешности деликатностью, свойственной только тем, кто действительно — выше. Журналистика увела его из спорта, с которым Нугзар тоже сочетался, в моем понимании, совершенно.

Лучник. Исчезающее, очень мужское, благородное единство напряжения и свободы, полета и цели.

Благодаря Нугзару я пришла в «Новую». Гораздо позже, чем следовало, чем он говорил, никогда не упрекая. Очень ждала всегда звонков. Знала, кому первому пожалуюсь, если плохо, или похвастаю без особых причин. Завидовала спецкорам из его отдела, ревновала.

Тоска и смятение без тебя, братик.

Ольга МУСАФИРОВА,
соб. корр. «Новой», Киев

Мы с ним встречались редко в мои нечастые приезды в Москву, иногда созванивались по работе, но к нему, как мало к кому из редакции, сразу возникла глубокая симпатия. Красивое лицо, спокойный ироничный взгляд, негромкий, мягкий, всегда дружелюбный и располагающий к себе голос, благородная скромность. Он очень любил жизнь. Такие не должны уходить. Трудно будет представить себе «Новую» без Нугзара. Мы, конечно, будем его помнить.

Александр МИНЕЕВ,
соб. корр. «Новой», Брюссель

В Боткинской больнице он оказался в одной палате с Димой Евдокимовым. Диме 29, у него жена и двое детей. У Димы был лейкоз, требовалась пересадка костного мозга.

НК поставил на уши полредакции. А редакция — «Горбачев-фонд», НИИ детской онкологии имени Раисы Горбачевой, благотворительный фонд AdVita, который начал собирать необходимые 18 тысяч евро.

По телефону НК говорил мне о Димином здоровье больше, чем о своем. В январе, уже хрипя, требовал: «Еще раз заметку о сборе денег на сайт, еще раз в газету!»

В феврале, когда НК был уже в Мюнхене, Диме нашли донора. 14 марта успешно провели трансплантацию костного мозга. За несколько дней до этого Нугзару Кобаевичу передали наши письма. Мы не смели думать, что — последние. Я написал о предстоящей Диме операции, об этой маленькой — в том числе его, Нугзара, — победе. Надеюсь, он успел и смог прочитать.

Он многое поменял бы в этих пяти абзацах. Переставил бы, повычеркивал что-нибудь (возможно, что и все целиком). «Лучший текст, — отчитывал он, — не красиво написанный, не вые...стый, не смешной, а — понятный».

Спасибо, что вы сделали для нас понятнее эту работу. Непонятно, как делать ее без вас.

Никита ГИРИН,
корреспондент «Новой»

Милашина, Рачева, Костюченко, Боброва, Гирин, Артемьева, Фомина, мы все — это Нугзар. Все, что из нас получилось, — это Нугзар. А что теперь?

Как передать это чувство? Когда мы потеряли столько.

Его больше нет. А нам надо дальше. Никто не знает, как.

Последний раз говорили перед моей командировкой на эту ублюдскую войну. Очень слабый у него был голос: «Ты все знаешь, но, пожалуйста, будь аккуратен. Обочины, мины, растяжки эти. Ты все знаешь уже, но, пожалуйста...» Он никогда меня так не просил. И я тогда попросил его тоже. А он ответил: «Знаю. Но ты же видишь. Но, конечно, я вернусь! Столько хочется сделать».

Нугзар Кобаевич!!!

Павел КАНЫГИН,
специальный корреспондент «Новой»

Когда был 2002 год, у меня умер отец.

Потом пришло лето, и мы с братом поехали на море, в Геленджик. Мы поставили палатку в лесу, сидели на скале и кидали камни в море.

Потом настала осень, мы вернулись учиться, и я пришла в «Новую» проходить практику. И увидела там Нугзара. Это было 22 сентября.

Сразу мне стало спокойно и равнодушно. И вот так 13 лет почти уже.

Нугзар, конечно, принял очень большое участие во мне. Нет, капитальные работы — это родители, безусловно, но вся доводка — это Нугзар.

Он научил меня не бояться заплывать за буйки, но всегда думать перед поступком: хорошо это будет или плохо. Достойно ли.

У меня мама, которая не видела его никогда в жизни, когда я затеваю какую-то авантюру, всегда спрашивает: а ты Нугзару сказала об этом? Что Нугзар про это думает?

Сейчас ужасно это на нас на всех навалилось.

Ольга БОБРОВА,
обозреватель «Новой»

Продолжение — стр. 4